

УДК 332.1

Киселев С. Н.

**«Пять постулатов крымского
регионализма»: двадцать лет спустя**

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» Таврическая академия (структурное
подразделение), г. Симферополь
e-mail: kiselev.crimea@gmail.com

Аннотация. В статье представлены основные предпосылки воссоздания крымской автономии в 1991 году и возвращении Крымского полуострова в состав Российской Федерации в 2014 году. Рассматривается эволюция идей региональной геополитики.

Ключевые слова: Республика Крым, Российская Федерация, Багров Н. В., региональная геополитика

В новейшей истории не так уж много примеров, когда интересы правящей политической элиты и интересы широких народных масс совпадают друг с другом. В Крыму за прошедшие тридцать лет мы стали свидетелями этого дважды. Речь идёт о воссоздании крымской автономии в 1991 году и возвращении Крымского полуострова в состав Российской Федерации в 2014 году. Каждое из этих событий имеет не только политическую, но интеллектуальную предысторию. И если политические аспекты новейшей истории полуострова, можно сказать, «разобраны по косточкам», то его интеллектуальная история ещё ждёт своих исследователей.

Резонно было бы задаться вопросами о том – «А была ли вообще какая-то особая крымская интеллектуальная составляющая в тех процессах, которые происходили в Крыму? Оказывала ли она на них какое-либо влияние или всё определялось внешними по отношению к нему «игроками»?» Наблюдая в республиканских СМИ за сегодняшним «интеллектуальным крымским продуктом», можно посчитать такие сомнения вполне оправданными и обоснованными. Но это не так. И не так это потому, что если бы не было этой крымской интеллектуальной составляющей, то не было бы и референдума 20 января 1991 года, и возвращения Крыма в состав России не было бы тоже.

На пути восстановления и первых шагов автономии, особенно в начале 1990-х годов, в центре крымской политики находилась фигура Н.В. Багрова – первого председателя Верховного Совета КАССР, а затем Республики Крым. В одной из своих статей Николай Васильевич подчёркивал: «что всё, делавшееся в Крыму в недалёком прошлом, не было импровизацией, плодом воображения Багрова. Мои представления тогда основывались на огромном массиве информации, мнениях специалистов, разработках учёных. Практически по каждой из множества проблем мы располагали разными точками зрения. На моём рабочем столе всегда лежала масса предложений крупных хозяйственников, учёных, политиков. Мы не стеснялись обращаться за советом в ведущие научные центры страны, к именитым учёным» [1].

Востребованность интеллектуального продукта сверху подкреплялась интеллектуальным движением снизу. Осенью 1991 года в Крыму начала выходить не похожая ни на одно крымское печатное СМИ газета «Таврические ведомости», большинство членов редакции и авторов которой составили позже ядро крымского экспертного сообщества, а так же вошли со временем в правительство и депутатский корпус автономии. «Таврические ведомости» стали открытой площадкой для различных дискуссий по самым насущным вопросам политики, экономики и истории Крыма,

быстро приобрели популярность и нашли своего читателя. На страницах газеты публиковалась первая стратегия развития Крыма, впервые представлялись проекты государственной символики, за 20 лет до событий 2014 года печаталась «Теория Новороссии» и т.п. Можно смело утверждать, что «Таврические ведомости» сформировали тот «запас» идей, которого с избытком хватило на все годы существования крымской автономии в составе Украины. Именно авторы «Таврических ведомостей» первыми попытались осмыслить феномен крымской региональной идентичности и крымского регионализма.

С момента своего возникновения территориальный характер автономии в Крыму подвергался постоянной критике со стороны нациократической киевской политической элиты, последовательно выступавшей либо за её ликвидацию, либо за придание ей национального характера. Именно поэтому для обоснования субъектности автономии в Крыму необходима была разработка таких теоретических подходов, которые могли бы показать правомочность и объективную основу уже существующей политической конструкции. Дискуссии начала 1990-х годов в печати и в ходе многочисленных конференций, полевые социологические исследования способствовали выявлению таких феноменов как крымская региональная идентичность и крымский регионализм. Сегодня интеллектуальные искания тех лет становятся предметом диссертационных исследований (например, 2). Тогда же, после ухода в 1994 году Н. В. Багрова из большой политики, долго державшийся «на плаву» Крым быстро погрузился в пучину политической, экономической и социальной деградации, характерной для всего постсоветского пространства середины 1990-х годов. Естественно, что в это непростое время, когда остро стояли вопросы элементарного выживания, интерес к теоретическим дискуссиям был минимальный.

К концу десятилетия, по мере выхода из кризиса, появляются предпосылки для возвращения к подзабытым уже идеям и спорам. Не смотря на катастрофический по своим последствиям короткий период правления Президента Республики Крым Ю. Мешкова, когда украинский президент 17 марта 1995 года отменил Конституцию и некоторые крымские законы, а также на то, что так называемая капитулянтская «Конституция Л. Грача» полностью подчинила автономию власти Украины, мощный образ «мятежного Крыма», сформированный в начале 1990-х годов, продолжал вызывать опасения Киева и пристальный интерес у внешних наблюдателей. Крым рассматривался как возможная территория внутреннего и даже международного конфликта, как тугой узел, в котором переплелись практически все виды противоречий: политических, этнических, межконфессиональных и территориальных. Анализу всех этих проблем были посвящены публикации в ещё одном уникальном издательском проекте – общественно-политическом журнале «ОстровКрым», который хотя и просуществовал всего лишь один год, но оставил яркий след в интеллектуальной истории полуострова.

Именно в журнале «ОстровКрым» была опубликована статья «Пять постулатов крымского регионализма», в которой обосновывались вполне очевидные отличия крымской территории от остальной территории Украины, требующие от неё особой региональной политики по отношению к полуострову. В статье утверждалось, что: «Крымский полуостров нарушает изотропность территории Украины. Его следует рассматривать как идеальный регион, имеющий, по меньшей мере, пять основных отличий от украинского государственного организма:

1. Природное,
2. Этническое,
3. Историческое,
4. Экономическое,

5. Политическое» [3].

Главная природная особенность Крыма, отличающего его от остальной территории Украины, заключается в том, что в географическом смысле он является фактически островом. В свою очередь, «географическая изолированность и многоликость ландшафтов, обуславливающие высокий уровень аттрактивности, соединяются в специфическом факторе, постоянно воздействующим на психологию местного населения и накладывающим свой неизгладимый отпечаток на его характер» [3]. Кроме того, Крым выделялся своим этническим своеобразием по отношению к другим регионам Украины – самым высоким процентом в составе населения русских и самым низким процентом украинцев, а также наличием своих региональных народов: большого – крымскотатарского и малого – крымчакского, а также реликтового караимского этноса. Существование ярко выраженного этнического контраста на такой небольшой территории приводило к необходимости постоянного самоопределения их представителей по отношению друг к другу, что обуславливало обострённое восприятие своей национальной идентичности. Для крымских русских (и не только для них) этот фактор станет определяющим в ходе исторического выбора 2014-го года.

Полиэтничности населения полуострова соответствовала его полиисторичность. В статье утверждалось, что насыщенная событиями история полуострова «служит неиссякаемым источником местного патриотизма», а «отличие крымской истории от истории Украины настолько очевидно, что этот тезис даже не требует доказательств» [3].

Особенности специализации экономики полуострова, сформированной ещё в годы существования СССР, а именно – ярко выраженная сезонная ритмичность её основных отраслей – сельского хозяйства и рекреации, когда количество приезжающих на отдых в Крым в несколько раз превышало численность его населения, способствовали «обостренному осознанию местным населением своей региональной общности и отдельности, опиравшимся на принцип «свой – чужой», а также ощущению избранности крымской территории и привилегированному статусу крымской прописки» [3]. Естественно, что совокупность всех этих факторов способствовала чрезвычайной сложности и многообразию политических процессов в Крыму, однако главной его особенностью являлась военно-стратегическая ценность территории полуострова в одном из ключевых регионов на современной политической карте мира.

Выявив и описав эти пять постулатов крымского регионализма, обосновав их перманентный и объективный характер, украинскому руководству предлагалось отказаться от доминирующего у его представителей образа «внутреннего врага» в отношении Крыма и разработать по отношению к нему политику отказа от унификации, максимально учитывающую его региональные особенности. Однако в Киеве этот призыв не услышали, как не услышали предупреждения о возможных политических последствиях для Украины в случае отказа от выработки подобной политики, которым завершается статья: «Даже сторонникам унитаризма и этнократии следует признать, что на юге украинской территории существовала, существует и будет существовать «вечно другая» земля. В противном случае уязвимость крымской «ахиллесовой пяты» может оказаться причиной гибели всего государственного организма» [3]. В результате – с 18 марта 2014 года Республика Крым находится в составе Российской Федерации, что закреплено в 65 статье её Конституции. Украина же не только утратила свои территории, но и находится в состоянии системного кризиса.

Естественно, что изменение территориальной принадлежности Республики Крым, а точнее – возвращение её в состав того государственного образования, из которого она незаконно была выведена в феврале 1954 года, не может не поставить вопрос о том, сохранились ли те «пять постулатов крымского регионализма», которые были

продекларированы 20 лет назад? Позволю себе утверждение, что не только сохранились, а в некоторых аспектах даже обогатились своим содержанием.

С мая 2018 года Крымский полуостров связан с остальной территорией России узкой полоской моста, а перед этим, в условиях различных блокад со стороны Украины, все перевозки с «материка» осуществлялись четыре года только воздушным и морским транспортом. Это не могло не повлиять на обострение «островного» самосознания крымчан, преодоление которого, если это вообще возможно, потребует ещё долгого времени. Так как Россия - федеративное и многонациональное государство, то на самых ранних этапах вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации в Конституцию и законы Крыма были внесены нормы, обеспечивающие равенство перед законом представителей всех национальностей, принят закон о трёх государственных языках, созданы условия и формируются этническими общинами национально-культурные автономии, развитию которых помогает государство. В апреле 2014 года Президентом был подписан Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Всё это позволило снять острые вопросы в межэтнических отношениях в Крыму, но сама этничность никуда не исчезла и наличие этого фактора может служить источником возобновления конфликтов на полуострове в интересах внешних сил.

Что же касается исторического своеобразия Крыма, то мы можем отметить не только «взрывной» рост интереса к его прошлому, выразившемуся в качественном увеличении количества исследований, но и тем, что наша отечественная история обогатилась понятием «Крымская весна», открывшем для Российской Федерации новые горизонты её развития. Приход России в Крым способствует возрождению его экономики, а крупные инфраструктурные проекты призваны обеспечить экономический рост всё тех же его традиционных отраслей хозяйства. В политической сфере возврат Крымского полуострова в состав Российской Федерации получил глобальный резонанс. Можно смело утверждать, что это событие дало толчок к новому переустройству системы международных отношений и мироустройства в целом. Чем закончится этот процесс пока ещё трудно предположить, но то, что Россия именно после событий 2014 года вернула себе статус одной из ведущих мировых держав – сомнений не вызывает.

Все вышеперечисленные факторы, не могли не отразиться на самосознании крымчан и нашли своё отражение, как в чувстве крымской региональной идентичности, так и в крымском регионализме (стихийном и осознанном). Остаётся только выразить надежду на то, что эти явления станут предметом исследования специалистов, а политика федерального центра по отношению к Республике Крым будет учитывать фактор регионального своеобразия, что в духе традиционной российской политики, но оказалось не под силу украинской националистической политической элите.

Завершить же доклад хотелось бы текстом небольшого регионалистского «манифеста», который предварял публикацию статьи «Пять постулатов крымского регионализма» в 1999 году:

«Конец XX века – это время, когда география побеждает историю. До этого две тысячи лет земное пространство подчинялось творящей воле *Homo politikus*, расчленявшей его на национальные уделы. Сегодня идея национального государства умирает. Ее смерть сопровождается похоронным «салютом» орудий, провожающим уходящий на вечный покой привычный миропорядок. Наступает новый этап истории.

Мы живем в эпоху, когда понятие государства теряет свой устоявшийся смысл. Власть земли – эта вечная власть – становится определяющей в архитектуре нового политического устройства. На первое место выходят цивилизационный и

географический принципы. Эти принципы имеют два направления: восходящее и нисходящее. В первом случае государства передают свои полномочия наднациональным объединениям, типа ЕС или НАФТА; во втором – политическая жизнь сосредотачивается в исторических регионах, таких, например, как Шотландия, Каталония или Крым. Большая политика теряет свою традиционную национально-государственную окраску и начинает говорить на новом языке, языке регионов. Основной сюжет мировой исторической драмы ближайших десятилетий будет выстраиваться вокруг борьбы агонизирующего национализма и нового регионализма, все увереннее заявляющего о себе.

Унитаризм этнократического государства – явление вчерашнего дня. Он «размывается» между малым и большим регионализмом. Это не плохо и не хорошо, это объективно. Осознание данного процесса и его адекватное отражение в политике – путь в будущее, противодействие ему – дорога в никуда» [4].

Литература

1. Багров Н. В. «Особый проект Багрова» // ОстровКрым. 1999. №3. С. 21-25.
2. Сосновский Д. В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991-2014). Дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 171 с.
3. Киселёв С. Н. Пять постулатов крымского регионализма // ОстровКрым. 1999. №3. С. 42-43.
4. Киселёв С. Н. Регионализм и идентичность // ОстровКрым. 1999. №3. С. 41.

Kiselev S. N.

"Five postulates of Crimean regionalism": twenty years later

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Russian Federation, Simferopol
e-mail: kiselev.crimea@gmail.com

Annotation. *The article presents the main prerequisites for the reconstruction of the Crimean autonomy in 1991 and the return of the Crimean Peninsula to the Russian Federation in 2014. The evolution of ideas of regional geopolitics is considered.*

Key words: *Republic of Crimea, Russian Federation, Bagrov N. B., regional geopolitics*

References

1. Bagrov N. V. «Osobyj proekt Bagrova» // OstrovKrym. 1999. №3. S. 21-25. (in Russian)
2. Sosnovskij D. V. Processy formirovaniya regional'noj identichnosti v Krymu v kontekste polyarizacii ukrainskogo obshchestva (1991-2014). Dis. ... kand. polit. nauk. M., 2014. 171 s. (in Russian)
3. Kiselyov S. N. Pyat' postulatov krymskogo regionalizma // OstrovKrym. 1999. №3. S.42-43. (in Russian)
4. Kiselyov S. N. Regionalizm i identichnost' // OstrovKrym. 1999. №3. S. 41. (in Russian)

Поступила в редакцию 10.11.2018 г.